

ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИКА SOCIETY AND POLITICS

научная статья / research article

УДК: 930+316.4+327

EDN: [AXXGUN](#)

DOI: 10.48612/RG/RGW.28.3.9

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)

This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)

Адаптация русских эмигрантов в Харбине в 1917–1939 гг. (историко-политологический анализ)

Павлова Ольга Константиновна ✉

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,

Санкт-Петербург, Россия

✉ pavlova_ok@spbstu.ru

Цзин Линьпань

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,

Санкт-Петербург, Россия

tszin.l@edu.spbstu.ru

Аннотация

Введение. В XX веке миграционные процессы стали важным фактором мировой истории, их причины связаны с конкретными политическими и социально-экономическими факторами. В фокусе исследования – выявление особенностей связей субнациональных субъектов России и Китая в первой трети XX века, расширение русской эмиграции с позиций исторических и политических наук. Целью исследования является характеристика создания и развития разнородной в социально-политическом и национальном плане русской диаспоры в Харбине в контексте историко-политологических процессов, что определяет новизну. Основные исследовательские вопросы предполагают анализ социально-культурной активности русских в Харбине и характер отношений между русской диаспорой и местным китайским населением.

Материалы и методы. Материалами для исследования послужили опубликованные работы российских и китайских ученых, посвященные российскому сообществу в Харбине в 1917–1939 годах. Историко-политологический анализ позволили выявить ключевые моменты особенности формирования и развития русской диаспоры в Харбине и представить социокультурную характеристику межэтнических отношений.

Результаты. Анализ социальной активности русской эмиграции в Харбине показал большую роль россиян в общественно-политической и культурной жизни города. В целом возникающие противоречия разрешались, но имело место непонимание особенностей как русского, так и китайского менталитета. Следует отметить, что в Харбине наличие

дореволюционной русской колонии, наличие инфраструктуры и русских институтов повлияло на более мягкую социокультурную адаптацию российских эмигрантов после 1917г.

Обсуждение и Заключение. Социальная и культурная адаптация россиян в Харбине носила особый характер: с одной стороны, сохранялась собственная культурная идентичность, с другой – формировались новые виды взаимодействия с местной средой в условиях непростой межэтнической, экономической и политической ситуации. Однако, среди российских и китайских исследователей, работающих по изучению вопросов адаптации русской эмиграции в Харбине, единого мнения не сложилось. Результаты исследования будут полезными для дальнейшего изучения вопросов эмиграции, взаимоотношений крупных субэтносов в рамках изучения демографических и миграционных процессов в международных отношениях и политике.

Ключевые слова: Китай; Маньчжурия; Россия; адаптация; русские эмигранты; Харбин; социальные проблемы

Для цитирования: Павлова О.К., Цзин Линьпань. Адаптация русских эмигрантов в Харбине в 1917–1939 гг. (историко-политологический анализ) // Россия в глобальном мире. 2025. Т. 28. Вып. 3. С. 155–167. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.3.9.

© Павлова О.К., Цзин Линьпань, 2025. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Adaptation of Russian Emigrants in Harbin in 1917-1939 (Historical and Political Analysis)

Olga K. Pavlova

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
 pavlova_ok@spbstu.ru

Lingpan Jing
Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
tszin.l@edu.spbstu.ru

Abstract

Introduction. In the 20th century, migration processes became an important factor in world history, their causes are associated with specific political and socio-economic factors. The focus of the study is to identify the features of the connections between subnational entities of Russia and China in the first third of the 20th century in connection with the expansion of Russian emigration from the standpoint of historical and political sciences. The aim of the study is to characterize the creation and development of a socially, politically and nationally diverse Russian diaspora in Harbin in the context of historical-political processes, which determines the novelty. The main research questions involve the analysis of the socio-cultural activity of Russians in Harbin and the nature of relations between the Russian diaspora and the local Chinese population.

Materials and methods. The materials for the study were published works by Russian and Chinese scientists devoted to the situation of Russians in Harbin in 1917-1939. Historical and political science analysis allowed us to identify key moments of the peculiarities of the formation and development of the Russian diaspora in Harbin and to present a more socio-cultural characteristic of interethnic relations.

Results. The analysis of the social activity of Russian emigration in Harbin showed the great role of Russians in the socio-political and cultural life of the city. In general, the emerging contradictions were resolved, but there was a misunderstanding of the peculiarities of both the Russian and Chinese mentality. It should be noted that in Harbin the presence of a pre-revolutionary Russian colony, the presence of infrastructure and Russian institutions influenced the softer socio-cultural adaptation of Russian emigrants after 1917.

Discussion and Conclusion. The social and cultural adaptation of Russians in Harbin had a special character: on the one hand, their own cultural identity was preserved, on the other hand, new forms of interaction with the local environment were formed in the context of a difficult interethnic, economic and political situation. However, among Russian and Chinese researchers working on the study of the adaptation of Russian emigration in Harbin, there was no consensus. The results of the study will be useful for further study of emigration issues, relationships between large sub-ethnic groups in the context of studying demographic and migration processes in international relations and politics.

Keywords: China; Manchuria; Russia; adaptation; Russian emigrants; Harbin; social problems

For citation: Pavlova, O.K., Jing Lingpan. Adaptation of Russian Emigrants in Harbin in 1917–1939 (Historical and Political Analysis). *Russia in the Global World*. 2025. Vol. 28. Iss. 3. P. 155–167. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.3.9.

© Pavlova, O.K., Jing Lingpan, 2025. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

XX век привел к масштабным изменениям, которые повлияли на все сферы жизни как обычных граждан, так и элит. События 1917 г. принесли с собой волну политического террора и экономическую нестабильность, что побудило многих принять решение об эмиграции из России, с перспективой неопределенности и опасности, которые осложняли процесс выезда из страны, поскольку приходилось оставлять свое имущество и разрывать устоявшиеся социальные связи. Многие выбирали соседний Китай, как страну, где уже сформировалась русская диаспора, с устойчивыми экономическими, социальными и культурными позициями. Предлагаемое исследование направлено на выявление особенностей связей субнациональных субъектов на территории Китая в период 1917–1939 гг. в связи с расширением русской диаспоры с позиций исторических и политических наук.

Степень изученности проблемы. В целом эмиграционный процесс является закономерным следствием неблагоприятных событий в России в начале XX века. Многие историки, например, Л.Ф. Говердовская [1, с. 175] и О.И. Кочубей [2], занимавшиеся вопросом русской эмиграции в Китае, в своих работах отмечали, что формирование данного явления является неотъемлемой частью российской истории в XX веке.

В отечественной исторической литературе, посвященной русскому зарубежью в Китае, следует отметить фундаментальные труды О.И. Кочубей, В.Ф. Печерица [2; 3]. Адаптация русских эмигрантов в Китае получила освещение в работах Е.Е. Аурилене [4], С.В. Смирнова [5] и др.

Русская эмиграция получила освещение и в китайской научной литературе. Заслуживают внимания статьи Чжан Цзхунхуа и Цзян Яньхуна [6], а также работы харбинских историков: Ши Фан, Лю Шуан и Гао Лин [7], Ли Сингэна и Ли Жэньнянь [8], Ли Шусянь [9]. В некоторых исследованиях китайских авторов дается различная оценка деятельности российских поданных в Китае, в частности в Харбине. Например, в статье Ли Мэн [10] представлено мнение о том, что Харбин строился не только в интересах царской России, но и эти процессы одновременно способствовали развитию Маньчжурии.

Краткий обзор публикаций, в том числе монографического характера, показывает, что российские и китайские ученые внесли существенный вклад в

изучение русской эмиграции в Харбине по отдельным вопросам. Однако оценка характера адаптации русских в Харбине, вопросы этничности и т.п. не стали объектом самостоятельного изучения, что представляет определенную новизну исследования.

Комплексный историко-политологический анализ особенностей адаптации русской эмиграции для характеристики развития русской диаспоры в Харбине представляет цель исследования. Постановка научной проблемы предполагает разработку ряда исследовательских вопросов, касающихся анализа социальной активности русской эмиграции в Харбине; выявления противоречивости отношений между русской диаспорой и местным китайским населением; определение роли русской колонии в расширении миграционного процесса после революции 1917г. до конца 1930-х годов.

Методы

Комплексный историко-политологический анализ представляет собой междисциплинарный метод исследования, объединяющий исторические и политологические подходы для всестороннего изучения явлений и процессов в их историческом развитии, что позволяет не только описать исторические события, но и выявить их политическое значение, оценить последствия принятых решений принимающей стороны – Китайского правительства, и администрации города, что позволяет сделать выводы и для современной практики миграционной политики страны. Такой подход к исследованию политических процессов через призму их исторического развития позволяет охарактеризовать эволюцию институтов и процессов адаптации эмигрантов из России, выявить причинно-следственные связи в развитии политических явлений.

Авторам удалось сформулировать обобщенные точки зрения российских и китайских учёных на эту проблему, аргументированно описать факты социальной активности русских эмигрантов в Харбине, выявить сложности во взаимоотношениях между русской диаспорой и местным населением Китая, а так же выяснить, как созданная в конце XIX в. русская колония повлияла на миграционные процессы в период с 1917 г. до 1939 г.

Материалы

Основные выводы исследования базируются на результатах критического анализа опубликованных работ российских и китайских ученых, посвященных отдельным вопросам русской эмиграции. Однако, в настоящее время мы не имеем исследования о положении русских в г. Харбине с позиций историко-политологического анализа, что определяет новизну исследования.

В монографии Н.П. Крадина «Харбин – Русская Атлантида» [17] детально показаны исторические факты о положении русской диаспоры в Харбине. Например, в коллективной монографии ««Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта» [18] делается общий вывод, что русская диаспора в этом городе была представлена на стыке «своего» и «чужого» цивилизационного развития и миропонимания [19].

Дальневосточная эмиграция стала одной из масштабных по своей численности. Л.Ф. Говердовская в своем исследовании предлагает выделить три периода расселения

русских на территории Китая. Первый период приходится на конец XIX – начало XX века, к этому времени относится строительство Китайско-Восточной железной дороги. На этот этап приходится и строительство Харбина, в котором жили русские рабочие и технические специалисты, обслуживающие железную дорогу. Второй период относится к 1917–1922 гг., который связан с началом революций и гражданской войны. Третий период относится к 1925–1930 гг., характеризуется активизацией эмиграционных процессов, вызванными социально-политическими и экономическими процессами в СССР и началом репрессий [1]. Именно в течение последнего периода русские эмигранты, различные и неоднородные по своему составу, составили большинство беженцев в Китай. В это время Китай считался самой привлекательной страной Азиатско-Тихоокеанского региона, где сформировались центры русской эмиграции. Точное количество человек определить довольно сложно, и во многих исследованиях данные разнятся, хотя, в целом, эти показатели оцениваются до 500 тыс. человек.

В Маньчжурии, таким образом, к началу XX в. сложилась самая многочисленная русская колония в Китае. Центром эмиграции русского населения стал город Харбин. В силу исторических событий, связанных со строительством КВЖД и активной деятельностью специалистов из России, закрепившихся на этом участке, он впоследствии получил название «русского города». Изначально прибывавшие сюда люди были непосредственно связаны с обслуживанием железной дороги. Выбор Харбина как центра провинции был обусловлен его выгодным и удобным территориальным расположением. Близкое расположение водной артерии – р. Сунгари, вдоль КВЖД было одной из причин выбора именно этой местности для строительства города как центра управления и обслуживания транспортного узла. Такие факторы предопределили быстрое и активное развитие Харбина, что вскоре превратило его в довольно большой административный центр.

Следующий миграционный этап в район Дальнего Востока и последующего расселения на территории Маньчжурии, преимущественно, в г. Харбин длился с 1918 по 1923 год [4; 11] (Говердовская Л.Ф. приводит даты с 1917 по 1922 год для русской миграции в Китай в целом). В отличие от предыдущих миграционных волн, социальный состав «новых» беженцев состоял из простых людей, не относящихся к интеллигенции или к специалистам по техническому обслуживанию КВЖД. Согласно исследованию социального состава русских эмигрантов в Харбине с 1918 по 1923 год на основании данных анкетных карточек, зарегистрированных в Харбинском комитете помощи беженцам, преобладало крестьянское сословие, которое составляло около 40,6%. Второе по численности было сословие мещан, составлявшее 24,7%, далее следовали казаки (15%) и рабочие (7,1%). Представители бывшего дворянского или купеческого сословия составляли только 2,4% [11, с. 24–25].

Стоит отметить, что любой миграционный процесс в другую страну или регион, с автохтонным населением иной национальности или иной культуры, всегда сопровождается сложными адаптационными процессами. В первую очередь, необходимо уточнить, что авторами подразумевается под термином «адаптация». Согласно словарю лингвистической терминологии, составленному Т.В. Жеребило, адаптация является «процессом, при котором носитель определенной культуры и языка в силу неких обстоятельств вынужден приспосабливаться к иной среде:

социальной, культурной, языковой» [12, с. 23]. Это сложный и длительный процесс, который вынужден пройти каждый человек и его семья, ставшие мигрантами. Адаптация предполагает многоплановую интеграцию в жизнь местного населения. Она включает в себя не только биологический, физиологический и психологический аспекты, но также и социальный, культурный и политический фактор. Все из вышеперечисленного является уровнями, на которых в той или иной степени происходит контакт с местным населением.

Попадая в новую среду, мигрант формирует определенное представление о том, на каком уровне он хочет/может адаптироваться и интегрироваться в местное общество: полностью ассимилироваться, отстраниться от местного населения или выбрать нечто среднее. Также мигрантам свойственно образовывать группы из своих соотечественников (диаспоры), что, собственно, и является совокупностью лиц, обосновавшихся за пределами своего государства или места традиционного проживания этноса, объединенных общим этническим и культурным сознанием [12, с. 93]. Характерной чертой диаспор является сохранение и привнесение своей культуры в местное общество.

В своем исследовании, посвященном проблемам и особенностям адаптации русской эмиграции в Китае, Е.Е. Аурелене определяет понятие «диаспора» как этнос или его часть, которая обосновалась и проживает за пределами своей исторической территории, но при этом сохраняет понятие о единстве своего происхождения и заинтересована в сохранении групповых характеристик, которые отличаются от представителей страны расселения [4, с. 91]. В данном исследовании употребление слова «диаспора» понимается именно в таком значении, что более точно определяет и характеризует русскую эмиграцию в Китае. Интеграция диаспоры и ее участие в жизни местного населения и государства зависит от «закрытости/открытости» диаспоры обществу, традиционно проживающему на этой территории.

Особый интерес представляют исследования А.А. Забияко и А.П. Забияко и др. [18; 19], раскрывающие сложные механизмы взаимоотношений местного китайского населения и русской диаспоры в рамках устойчивых моделей традиционной культуры и ментальности народов.

Результаты

Исследование показало, что критерии выделения периодов общего расселения мигрантов из России на территории Китая [1], являются определяющими и для истории формирования русской диаспоры в Харбине. Первый этап, совпадающий со строительством Китайско-Восточной железной дороги, характеризовался проживанием русских рабочих, техников, инженеров, обслуживающих железную дорогу, а так же коммерсантов, учителей и врачей, членов их семей (конец XIX – начало XX вв.). После событий 1917–1922/23 гг. в России, новая волна эмиграции из страны значительно увеличила численность русской диаспоры в Харбине. В период с 1925 до конца 1930-х гг., после окончательного установления советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке, эмиграция из СССР приобрела масштабные черты, что было обусловлено началом массовых репрессий. В результате в Китай устремились различные социальные и этнические группы российских беженцев, а также этнических китайцев, ранее проживавших на Дальнем Востоке России.

Изменения и активизация социальной жизни русской эмиграции в Харбине [1; 4; 5; 10; 14; 15 и др.] демонстрируют большую роль россиян в общественно-политической и культурной жизни города, несмотря на возникающие противоречивые отношения между русскими и китайцами. Следует отметить, что в большинстве случаев они разрешались мирным путем, но имело место непонимание особенностей как русского, так и китайского менталитета. Мнения авторов, как российских [2; 4; 13; 14; 15; 16], так и китайских [7; 8; 9; 10; 20] отличаются, что обусловлено методологическими позициями, целями исследователей и национальными интересами.

В работах китайских ученых отмечается, что образование городской культуры Харбина, стало уникальным и неповторимым, вследствие сочетания различных культур: русской и китайской. По их мнению, первоначально сказывалось влияние культуры императорской России, в силу цивилизационного давления, но позже наблюдается усиление влияния китайской культуры, что было связано, с одной стороны, с естественным завершением жизни первых русских эмигрантов и их потомков; с другой стороны, увеличением количества смешанных браков. В последнем случае социальные изменения наглядно служат примером аккультурации, что является предметом дискуссии между российскими [13; 14; 18; 19] и китайскими авторами [10; 20].

Не подлежит сомнению, что китайская культура, мировоззрение и менталитет существенно отличаются от российского. Тем не менее, длительное присутствие русского мира в границах КВЖД существенно упрощало интеграцию новых переселенцев из России в сложившееся сообщество. Центры русского быта и культуры действовали как своеобразные оазисы, помогая эмигрантам чувствовать себя не чужими в Китае. Стоит также подчеркнуть, что русская колония в первой трети XX в. была сформирована преимущественно из тех, кто прибыл сюда до начала революционных событий и последовавшей Гражданской войны в России, что, в свою очередь, облегчало адаптацию новых эмигрантов в 1920–30-е годы.

Дискуссия

Исследователи русской эмиграции в Китае неоднозначно оценивают ситуацию, сложившуюся в Харбине в начале XX в. Например, в исследованиях историка и востоковеда М.А. Павловской, занимавшейся вопросами о русских эмиграционных движениях на Дальнем Востоке, отмечается, что российские диаспоры в Китае представляли собой «...крайне изолированный в культурном отношении монолитный анклав», «поскольку диаспорического сознания у русских не сформировалось», «адаптации, а уж тем более ассимиляции российских эмигрантов в Северной Маньчжурии, не произошло» [13, с. 20].

Близкую позицию формулирует А. Забияко и др. С приходом в Харбин дальневосточных эмигрантов, остро встал вопрос о его самоидентичности: «Что же это за штука – Харбин: Европа или Азия?» Однако для многих этот вопрос звучал более конкретно: в их сознании Харбин был не просто местом на карте, но и определенной страной – Россией. В связи с этим, культурные ориентиры и запросы жителей Харбина были прежде всего направлены на восстановление образа потерянной Родины [19, с. 5]. Там же приводится и другая цитата, по смыслу близкая выше обозначенному мнению, из художественно-публицистической литературы

«Доктор Финк. Фоб-Дайрен (рассказы К. Сабурова)» (1926 г.): «Привыкши считать Харбин за самую настоящую Россию, мы проглядываем его специфические особенности, как проглядываем подобные местные термины». Это же подтверждает и другой российский автор – культуролог С.А. Черкашина. В своем исследовании она излагает, что «молодое поколение эмиграции по-иному, чем старшее поколение, воспринимало столь отличную от европейской китайскую культуру... и было готово осваивать и усваивать чужие культурные ценности, сопоставляя их с русской традицией» [14, с. 15].

Русский уклад жизни сформировался задолго до революции, которая вынудила многих людей покинуть родину. Атмосфера русского мира, созданная первопоселенцами, смягчала отношения между эмигрантами и местными жителями. Коренное население привыкло к людям другой национальности, поэтому отношение к новым эмигрантам было более лояльным, чем в других регионах Китая [3; 5; 7; 11; 17; 19; 20; 21]. Адаптация русской эмиграции в Харбине отличалась от других центров расселения в Китае, в отличие от Шанхая, здесь переселенцы оказались в особом положении [22].

Стоит отметить, что благодаря длительному формированию русской колонии в Харбине, адаптация к быту и языку здесь проходила проще, чем у мигрантов в Шанхае. В Харбине языковой барьер ощущался значительно меньше, поскольку русское население имело опыт длительного проживания и могло поддерживать контакты с местным населением через уже обосновавшихся соотечественников [4; 18]. В Харбине 1920-х годов сложилась уникальная социокультурная среда из китайцев и маньчжуров. В основном, это были торговцы и обслуживающий персонал. Благодаря своей этнической активности, они быстро перенимали языки и бытовые привычки других культур, хотя редко достигали уровня литературного языка. В Маньчжурии того времени не было китайской художественной и литературной интеллигенции, готовой к культурному диалогу с русскими [19].

Быстрый и относительно простой процесс адаптации эмигрантов был обусловлен наличием русской инфраструктуры в Харбине. Как писал российский историк и востоковед Г.В. Мелихов в своей работе «Белый Харбин. Середина 20-х»: «Таким образом, полоса отчуждения КВЖД была территорией с особым статусом, вытекающим исключительно из специфики проходившей по ней железной дороги – дороги русской на китайской земле, – территорией, по договору с Китаем управляемой полностью администрацией этой железной дороги, что, безусловно, придавало ей особые и специфические черты – политические, экономические, культурные, да и военные тоже» [15, с. 25]. Эти слова подтверждают наличие особого положения русских и специфике их адаптации на этой территории. Готовая и функционирующая русская инфраструктура заметно ускоряла адаптационный процесс эмигрантов из России и способствовала скорому формированию различных объединений и институтов [19; 21].

Однако, несмотря на благоприятные условия для адаптации, которых не было у эмигрантов, направлявшихся в Европу или США, мнения авторов о жизни русских беженцев на севере Китая расходятся. В исследовании О.В. Кочубей и В.Ф. Печерицы, посвященном русской эмиграции в Китае 1920-х годов [2], особое внимание уделяется проблеме адаптации и интеграции русских беженцев в китайское общество. Авторы, опираясь на архивные материалы и воспоминания как эмигрировавших из России, так

и уроженцев Харбина, формулируют довольно категоричную позицию по этому вопросу. В монографии утверждается, что эмигранты, оказавшись в чужой стране, сталкивались с угнетением и притеснением со стороны местного населения, не получали поддержки и сочувствия [2, с. 50–51]. Трудно согласиться с этой точкой зрения указанных авторов, особенно если учесть, что в то время активно создавались союзы и организации, оказывавшие помощь беженцам.

Однако, Н.Е. Аблова оспаривает мнение В.Ф. Печерицы и О.В. Кочубей и утверждает, что в Маньчжурии царила атмосфера дореволюционной России, где остался русский быт и культура [16, с. 55–57]. Автор приводит цитату из воспоминаний писательницы Е.Н. Рачинской, покинувшей Россию с родителями после начала революции и переехавшей в Харбин. «Харбин говорил по-русски; говорила линия КВЖД. В школах, гимназиях и университетах преподавание шло на русском. Даже китайцы, с которыми нам приходилось общаться, заговорили по-русски...» [16, с. 56].

Аналогичную точку зрения занимает и китайский исследователь Мяу Хуэй: «Русская литература, а в более широком контексте русская культура вообще, представленная фильмами, религией, архитектурой, питанием, одеждой, привычками русских людей, их поведением в быту и т. п., повлияла на жителей провинции Хэйлунцзян, заимствовалась ими, вошла частично в их образ жизни» [20, с. 129].

Российская колония, сформировавшаяся на севере Китая за долгие годы, безусловно, существенно облегчала жизнь и процесс адаптации для беженцев. Поэтому, возможно, для тех, кто переехал в Европу после Харбина, адаптация выглядела более лёгкой с точки зрения культурных различий, поскольку опыт присутствия в течение долгого времени русского мира в черте КВЖД значительно упрощал интеграцию в новое общество. Эти очаги русской культуры помогали эмигрантам чувствовать себя не чужими на новой земле. Повторимся, что русская колония в Харбине состояла в основном из тех, кто переехал до революции и Гражданской войны и им удалось построить небольшой русский оазис, который сохранял весь уклад вещей прежней России.

Анализ опубликованных исследований позволяет сделать некоторые выводы, каждый из которых может быть далее развернут в отдельное самостоятельное исследование.

После революции 1917 г. русские эмигранты в Харбине оказались в сложном правовом положении. Советское правительство отказалось признавать их своими гражданами, а китайские власти ввели строгие ограничения: была введена обязательная регистрация и получение вида на жительство, ограничено проживание только в определенных районах, было необходимо получить разрешения на переезд, введена высокая плата за оформление паспортов [1; 4; 5; 11].

Однако при таких ограничительных мерах, русская община в Харбине сформировала собственную инфраструктуру. Были созданы общественные организации (Харбинский комитет помощи беженцам, Союз русских инвалидов), действовали профессиональные объединения, работали образовательные учреждения всех уровней, где преподавание велось на русском языке, функционировали культурные организации [4; 11; 17; 18; 19].

Русские активно участвовали в экономической жизни города. Предприниматели инвестировали в различные предприятия (общая сумма капиталовложений к 1940-м годам составила около 29,5 млн долларов США), развивали торговлю и домовладение (73,7 млн долларов в эту сферу), создавали новые промышленные предприятия, открывали частные дома и мастерские [10; 18; 21].

Особенностью культурной адаптации стало сохранение русской культурной идентичности, о чем говорит сохранение традиций православия и русского языка, развитие образования и науки, возможность сохранения активной литературной деятельности, открытие музыкальных школ, издательская деятельность (выпуск периодики и книг) [3; 14; 17; 19].

В быту наблюдались сохранение русской одежды с элементами форменного костюма, преобладание русской кухни при частичном заимствовании китайских блюд, строительство домов в русском стиле, организация досуга по привычному образцу [14; 17; 19; 20; 21].

Русские в Харбине сформировали довольно замкнутую общину, что было обусловлено языковым барьером, глубокими культурными различиями, стремлением сохранить собственную идентичность и отсутствием необходимости активного взаимодействия с местным населением.

Заключение

Практическое применение исторических и политологических приемов анализа позволяет оценить характер действий китайской администрации, созданных новых структур и организаций в отношении «новых граждан»: их возможностей, уровня образования и «полезности» прибывающих специалистов для страны в целом.

Выявленные общие тенденции условий адаптации русских для всего Китая [1; 2; 4; 14; 21] и определенные специфические черты развития русской диаспоры в Харбине [5; 6; 7; 10; 11; 15; 17; 18; 19; 20] создали уникальную адаптационную модель для обеих стран. Основной является наличие дореволюционной русской колонии, которая послужила основой для формирования «уголка русского мира» на территории Китая в конце XIX – начале XX в. и последующее ее социо-экономическое развитие. Общность языка и культуры среди переселенцев существенно облегчила процесс адаптации русских эмигрантов на севере Китая (в Харбине), по сравнению с другими городами, например, Шанхаем [22]. Социальная и культурная адаптация россиян в Харбине носила особый характер: с одной стороны, сохранялась собственная культурная идентичность, с другой – появлялись новые формы взаимодействия с местной средой в условиях сложной экономической и политической ситуации.

В исследованиях китайских авторов предлагаются различные оценки деятельности русских в Китае и в Харбине, но при этом подчеркивается, что определяющую роль сыграла политика Российской империи в конце XIX – начале XX вв. и строительство КВЖД.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Говердовская Л.Ф. Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917–1931 гг. М: Институт Дальнего Востока, 2004. 189 с. EDN: [OXTAYP](#).
2. Кочубей О.И., Печерица В.Ф. Исход и возвращение (русская эмиграция в Китае в 20–40-е гг.). Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 1998. 228 с.

3. Печерица В.Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 1999. 276 с.
4. Аурилене Е.Е. Особенности адаптации эмигрантов в 1920–1950-е годы // Россия и АТР. 2004. № 3 (45). С. 94–101. EDN: [HPNDIN](#).
5. Смирнов С.В. Российские эмигранты в Северной Маньчжурии в 1920–1945 гг. (проблема социальной адаптации). Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2007. 228 с.
6. Чжан Цзхунхуа, Цзян Яньхун. Русские эмигранты в Харбине после Октябрьской революции 1917 г. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2022. № 4. С. 82–95. EDN: [ACIMRX](#).
7. Ши Фан 石方, Лю Шуан 刘爽, Гао Лин 高凌. Хаэрбинь э цяо ши (диэр бань) 哈尔滨俄侨史 (第二版) [История русских иммигрантов в Харбине (второе издание)]. Хаэрбинь лунцзян жэньминь чубаньшэ 哈尔滨: 龙江人民出版社 [Харбин: Хэйлунцзянское народное издательство], 2003. 64 с.
8. Ли Сингэн 李兴耕. Фэньюй ф упин: эго цяоминь цзай чжунго: 1917–1945 风雨浮萍: 俄国侨民在中国: 1917–1945 [Плывя под ветром и дождём: русская диаспора в Китае: 1917–1945]. Бэйцзин: Чжунянь бяньи чубаньшэ 北京: 中央编译出版社 [Пекин: Центральное издательство по составлению и переводу], 1997. 536 с.
9. Ли Шусяо 李述笑. Хаэрбинь лиши бяньнянь 哈尔滨历史编年 [Хроники истории Харбина]. Хаэрбинь: Хаэрбинь чубаньшэ 哈尔滨: 哈尔滨出版社 [Харбин: Харбинское издательство]. 2000. 486 с.
10. Ли Мэн. Харбин – продукт колониализма // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 1. С. 96–103.
11. Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае. Маньчжурия. Северный Китай. Шанхай. (1920–50-е гг.). Хабаровск: Хабаровский пограничный институт ФСБ РФ, 2003. 191 с.
12. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 485 с.
13. Павловская М.А. Харбинская ветвь российского востоковедения: (Начало XX в. – 1954 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток: Дальневосточный государственный университет, 1999. 28 с.
14. Черкашина С.А. Культурная деятельность русской эмиграции в Китае (1917–1945): автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, 2002. 20 с.
15. Мелихов Г.В. Белый Харбин. Середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. 438 с. EDN: [QOWSEZ](#).
16. Аблова Н.Е. Дальневосточная ветвь Русского зарубежья. Минск: РИВШ, 2007. 218 с.
17. Крадин Н.П. Харбин – Русская Атлантида. Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2010. 365 с. EDN: [QPRJDT](#).
18. Забияко А.А., Забияко А.П., Левашко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2015. 462 с.
19. Забияко А.А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения Российской академии наук. 2016. 437 с. EDN: [YOWSXN](#).
20. Мяо Хуэй. Русская эмиграция в Харбине: взаимодействие двух культур // Гуманитарный вектор. 2015. №2 (42). С. 128–135. EDN: [TZNHTB](#).
21. Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке. XIX – начало XX в. М.: Изд-во «Наука», 1987. 168 с. EDN: [YMKPJY](#).
22. Носкова Н.В., Ван Цзюньтао. Социальная адаптация российской эмиграции в Шанхае в 1917–1939 гг. // Россия в глобальном мире. 2025. Т. 28. Вып. 2. С. 133–143. EDN: [UIWYWF](#).

REFERENCES

1. Goverdovskaya L.F. Obshhestvenno-politicheskaja i kulturnaja dejatel'nost' russkoj emigracii v Kitae v 1917–1931 gg. [Socio-Political and Cultural Activities of Russian Emigration in China in 1917–1931]. Moscow: Institute of Far East, 2004. 186 p. (In Russian). EDN: [OXTAYP](#).
2. Kochubey O.I., Pecheritsa V.F. Ishod i vozvrashhenie (russkaja jemigracija v Kitae v 20–40-e

- gg.) [Exodus and return (Russian emigration in China in the 20–40s)]. Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern State University, 1998. 228 p. (In Russian).
3. Pecheritsa V.F. Duhovnaja kultura russoj jemigracii v Kitae [The Spiritual Culture of Russian Emigration in China]. Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern State University, 1999. 74 p. (In Russian).
4. Aurilene, E.E. Features of the Adaptation of Emigrants in the 1920s–1950s. *Russia and the Asia-Pacific Region*. 2004. No. 3 (45). P. 94–101. (In Russian). EDN: [HPNDIN](#).
5. Smirnov S.V. Rossijskie emigranty v Severnoj Manchzhurii v 1920–1945 gg. (problema socialnoj adaptacii) [Russian emigrants in Northern Manchuria in 1920–1945 (the problem of social adaptation)]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 2007. 228 p. (In Russian).
6. Zhang Zonghua, Jiang Yanhong. Russian Emigrants in Harbin after the October Revolution of 1917. *Moscow university bulletin. Series 8: History*. 2022. No. 4. P. 82–95. (In Russian). EDN: [ACIMRX](#).
7. Shi Fang 石方, Liu Shuang 刘爽, Gao Lin 高凌. Haerbin e qiao shi (di er ban) 哈尔滨俄侨史 (第二版) [History of Russian Immigrants in Harbin (Second Edition)]. Harbin: Long jiang renmin chubanshe 哈尔滨: 龙江人民出版社 [Harbin: Longjiang People's Publishing House], 2003. 64 p. (In Chinese).
8. Li Singen 李兴耕. Fengyu fu ping: Eguo qiaomin zai zhongguo: 1917–1945 风雨浮萍: 俄国侨民在中国: 1917–1945 [Floating in the Wind and Rain: Russian Diaspora in China: 1917–1945]. Beijing: Zhongyang bianyi chubanshe 北京: 中央编译出版社 [Beijing: Central Compilation and Translation Press], 1997. 536 p. (In Chinese).
9. Li Shusyao 李述笑. Haerbin lishi bian nian 哈尔滨历史编年 [Harbin Historical Chronicles]. Harbin: Haerbin chubanshe 哈尔滨: 哈尔滨出版社 [Harbin: Harbin Publishing House]. 2000. 486 p. (In Chinese).
10. Lee Man. Harbin – produkt kolonializma [Harbin is a Product of Colonialism]. *Far Eastern Studies*. 1999. No. 1. P. 96–103. (In Russian).
11. Aurilene E.E. Rossijskaja diaspora v Kitae. Manchzhurija. Severnyj Kitaj. Shanhaj. (1920–50-egg.) [Russian Diaspora in China. Manchuria. Northern China. Shanghai. (1920–50s)]. Habarovsk: Habarovskij pogranichnyj institut FSB RF [Khabarovsk: Khabarovsk Border Institute of the FSB of the Russian Federation], 2003. 191 p. (In Russian).
12. Zherebilo T.V. Slovar lingvisticheskikh terminov [Dictionary of Linguistic Terms]. 5th edition, corrected and supplemented. Nazran: OOO “Pilgrim”, 2010. 485 p. (In Russian).
13. Pavlovskaya M.A. Harbinskaja vetv rossijskogo vostokovedenija: (Nachalo XX v. – 1954 g.) [Harbin Branch of Russian Oriental Studies: (The Beginning of the XX Century – 1954)]. Author's abstract. dis. ... Candidate of Historical Sciences. Vladivostok: Far Eastern National University. 1999. 28 p. (In Russian).
14. Cherkashina S.A. Kulturnaja dejatel'nost' russoj emigracii v Kitae (1917–1945) [Cultural Activity of Russian Emigration in China (1917–1945)]. Author's abstract. dis. ... Candidate of Cultural Studies. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Culture and Arts. 2002. 20 p. (In Russian).
15. Melikhov G.V. Belyj Harbin. Seredina 20-h [White Harbin. Mid 20s]. Moscow: The Russian Way, 2003. 438 p. (In Russian). EDN: [QOWSEZ](#).
16. Ablova N.E. Dalnevostochnaja vetv Russkogo zarubezhja [Far Eastern Branch of the Russian Diaspora]. Minsk: RIVSH, 2007. 218 p. (In Russian).
17. Kradin N.P. Harbin – Russkaja Atlantida [Harbin – Russian Atlantis]. Khabarovsk: Khabarovsk Regional Printing House, 2010. 365 p. (In Russian). EDN: [QPRJDT](#).
18. Zabijako A.A., Zabijako A.P., Levoshko S.S., Hisamutdinov A.A. Russkij Harbin: opyt zhiznestroitelstva v uslovijah dalnevostochnogo frontira [Russian Harbin: Life-building Experience in the Far Eastern Frontier]. Blagoveshchensk: Amur State University, 2015. 462 p. (In Russian).
19. Zabijako A.A. Mentalnost' dalnevostochnogo frontira: kultura i literatura russkogo Harbina [Mentality of the Far Eastern Front: culture and literature of Russian Harbin]. Novosibirsk: Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 2016. 437 p. (In Russian). EDN: [YOWSXN](#).
20. Miao Hui. Russian Immigrants in Harbin: Interaction of two Cultures. *Humanitarian Vector*. 2015. No. 2 (42). P. 128–135. (In Russian). EDN: [TZHNTB](#).
21. Romanova G.N. Ekonomicheskie otnoshenija Rossii i Kitaja na Dalnem Vostoke. XIX – nachalo

НН v. [Economic Relations between Russia and China in the Far East. XIX – early XX Century]. Moscow: Publishing house “Nauka”, 1987. 168 p. (In Russian). EDN: [YMKPJY](#).

22. Noskova, N.V., Wang Juntao. Social Adaptation of Russian Emigration in Shanghai in 1917–1939. *Russia in the Global World*. 2025. Vol.28. Iss. 2. P. 133–143. (In Russian). EDN: [UIWYWF](#).

Сведения об авторах / Information about authors

Павлова Ольга Константиновна – доктор исторических наук, профессор высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: pavlova_ok@spbstu.ru

ORCID: 0009-0003-3047-8400

Цзин Линьпань – аспирант высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: tszin.l@edu.spbstu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Pavlova Olga K. – Doctor of Historical Sciences, Professor at the Higher School of International Relations, Institute of Humanities; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: pavlova_ok@spbstu.ru

ORCID: 0009-0003-3047-8400

Jing Lingpan – postgraduate student at the Higher School of International Relations, Institute of Humanities; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: tszin.l@edu.spbstu.ru

The authors confirm that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 19.06.2025.

Одобрена после рецензирования 23.07.25.

Принята 25.07.2025.

Received 19.06.2025.

Approved after reviewing 23.07.2025.

Accepted 25.07.2025.